Даниил В. Жайворонок
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс

Споры по поводу коммерческого секса занимают важное место в повестке глобального и русскоязычного феминистских сообществ. Секс-войны оказывают важное влияние на организацию и политическое воображение феминистского движения. Но, с другой стороны, часть секс-работниц и их представительниц считают некоторых феминисток (нео-аболиционисток) одними из главных врагов в борьбе за свои права. Пытаясь разобраться в этом противоречии, статья поднимает вопросы о том, как сконструирован нео-аболиционистский дискурс и какие политические эффекты он производит. Автор исходит из предположения, что нео-аболиционистский дискурс о коммерческом сексе является способом справиться с двумя фундаментальными тревогами феминистского движения: *тревогой основания* и *тревогой перевода*. Эта гипотеза проверяется через анализ русско- и англоязычных феминистских текстов, посвященных коммерческому сексу, а также через анализ исследовательской литературы.

Автор приходит к выводу, что конструирование секс-работы как гомогенной ситуации патриархального насилия над женщинами позволяет ее использовать как метафору, одним из эффектов которой является легитимация универсалистских и эссенциалистских построений радикального феминизма/нео-аболиционизма. В то же время соответствующий дискурс исключает голоса женщин, занимающихся секс-работой, редуцирует многообразие и гетерогенность их опыта. В результате нео-аболиционизм становится проблематичным с точки зрения феминизма как инклюзивного и эмансипаторного проекта. В заключение автор призывает к формированию более инклюзивной и полифонической версии феминизма в отношении людей, занятых в сфере коммерческого секса.

Жайворонок Даниил Владимирович — лаборант программы Гендерных исследований, Европейский университет в Санкт-Петербурге. Научные интересы: гендерные исследования, квир-теория, феминизм, постколониализм, исследования науки, технологий и общества (STS). E-mail: dzhajvoronok@eu.spb.ru

Daniil V. Zhaivoronok — a junior assistant of the Gender Studies program, European University at St. Petersburg. Research interests: gender studies, queer theory, feminism, post-colonialism, science, technology and society studies (STS). E-mail: dzhajvoronok@eu.spb.ru

Sociology of Power
Vol. 30
№ 1 (2018)

Ключевые слова: гендерные исследования, коммерческий секс, социальное конструирование, феминизм, эпистемология

Daniil V. Zhaivoronok, European University at St. Petersburg, Russia
Anxiety, translation and the dream of a common language: on feminists' discussion of commercial sex

Debates about commercial sex occupy a prominent place on the agenda of both global and Russian-language feminist communities. Sex wars have a major impact on the organization and political imagination of the feminist movement. On the other hand, some sex workers and their representatives consider some feminists (neo-abolitionists) to be one of the biggest enemies in the struggle for their rights. Trying to understand this contradiction, the article raises issue on how neo-abolitionist discourse is designed and what political impact it produces. The author proceeds under the assumption that the neo-abolitionist discourse about commercial sex is a way to cope with the two fundamental anxieties of the feminist movement: the anxiety of foundation and the anxiety of translation. This hypothesis is tested through an analysis of Russian and English-language feminist texts on commercial sex, as well as through analysis of existing research literature. The author comes to the conclusion that the construction of sex work as a homogeneous situation of patriarchal violence against women allows it to be used as a metaphor. One of its effects is the legitimation of universalist and essentialist constructions of radical feminism/neo-abolitionism. At the same time, this discourse excludes the voices of women engaged in sex work and reduces the diversity and heterogeneity of their experience. As a result, neo-abolitionism becomes problematic if we consider feminism an inclusive and emancipatory project. In conclusion, the author calls for the formation of a more inclusive and polyphonic version of feminism towards people engaged in commercial sex.

Keywords: gender studies, commercial sex, social construction, feminism, epistemology

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-33-59

Введение

В настоящее время коммерческий секс — одна из самых важных тем в русскоязычном и глобальном феминистских сообществах [Alison, 2017]. Именно вокруг этой темы, являющейся главной линией фронта в продолжающихся «феминистских секс-войнах» [Leigh, 2008], сосредотачивается массированное производство академических, художественных и активистских дискурсов и практик, оказывающих влияние как на организацию и политическое воображение современного феминистского движения в целом [Bernstein, 2007], так и на жизненные траектории отдельных его участниц (см., например, статью О. Сеньковой в этом номере). Однако эта озабочен-

ность коммерческим сексом выглядит проблематичной, учитывая, что некоторые представительницы секс-работниц и сами секс-работницы видят в феминистках (нео-аболиционистках — подробней далее) вовсе не соратниц и помощниц, а одних из главных врагов на пути достижения собственных прав и улучшения благосостояния [NSWP, 2015][1].

В фокусе этой статьи вопросы о том, какие дискурсивные и политические эффекты имеет обсуждение коммерческого секса русскоязычными (но не только) феминистками, как сконструировано это обсуждение, какие акторы в нем задействуются и почему эта тема занимает такое важное место в повестке современного русскоязычного феминистского сообщества. Поиск ответов (неизбежно неполных) будет осуществляться через анализ дискурсов, циркулирующих между глобальным и локальным, академическим и активистским уровнями феминистского движения. Также я буду опираться на собственное прочтение и интерпретацию литературы, посвященной исследованию современного феминистского движения в целом (как в транснациональном, так и в локализованном, русскоязычном, контекстах) [Brown, 1997; Johnson, 2009; Suchland, 2015], и феминистским дискурсам и политикам в отношении коммерческого секса, в частности [Alison, 2017; Halley et al., 2006; Ward, Wylie, 2016].

Я буду исходить из предположения, что обсуждения коммерческого секса являются не только и не столько реакцией на «внешние» события[2], сколько способом обсуждения и обоснования статуса самого феминизма, его роли и политических стратегий. Более того, в российском контексте глобальные феминистские тревоги пересекаются и накладываются на локальные проблемы, среди которых центральное место занимает статус феминизма как чужеродного, «западного» феномена, а также опасения, связанные с его переводом и адаптацией в местном контексте [Cerwonka, 2008; Барчунова, 2002; Воронина, 2006; Эдлем, 2009]. Эта гипотеза подкрепляется анализом

1 См. также «*„Серебряная роза“: защита прав секс-работниц в России (дискуссия с Ириной Масловой)*» (Youtube.com: https://www.youtube.com/watch?v=LK-0tN_7Bm5M&t=264s; мин. 0:13-4:23).

2 Тем не менее данная тематика может актуализироваться в связи с «медийными событиями». Например, феминистская мобилизация в связи с судом над неонацистом Дациком, который совершил нападение на бордель в Петербурге и подверг физическому насилию находившихся там женщин (*Феминистка: Акция с «голым маршем» Дацика вряд ли могла случиться без наводки сверху*: Росбалт: http://www.rosbalt.ru/piter/2016/05/21/1516334.html; *Феминисток, изображавших проституток, «забросали грязью»*: Росбалт: http://www.rosbalt.ru/piter/2016/05/30/1518629.html).

исторического и теоретического контекста, внутри которого происходят дебаты по поводу коммерческого секса.

Необходимо также отметить, что феминизм, в России в том числе, не представляет собой гомогенного движения. Напротив, существует множество феминистских течений, которые могут как солидаризироваться между собой [Pulkkinen, 2016], так и отстаивать, причем в то же самое время, диаметрально противоположные позиции, конфликтуя друг с другом [Rubin, 1984]. Одна из линий напряжения как раз проходит по вопросу коммерческого секса. В зависимости от занимаемой позиции принято выделять две основные группы: нео-аболиционистки и феминистки, отстаивающие права секс-работниц и работников (pro-sex work feminism) [Vanwesenbeeck, 2001].

В нео-аболиционистском подходе коммерческий секс рассматривается как насилие над женщиной, объективация и эксплуатация ее тела и сексуальности, т. е. как травматичный опыт, который невозможно выбрать по собственному желанию. Фигура женщины, продающей сексуальные услуги, рассматривается исключительно как фигура пассивной жертвы, в то время как мужчины-клиенты представляются как насильники, покупающие женское тело, которое служит экраном для реализации их властных проекций [Barry, 1979; Dworkin, 1997; MacKinnon, 1989]. Про-секс-феминистки настаивают, что секс-работа не сводится к насилию и эксплуатации, но может включать разнообразные опыты, в которых наряду с негативными эффектами могут присутствовать освобождение, удовольствие, риск, автономия и т. д. [Agustin, 1998; Kontula, 2008; Kempadoo, 1999]. В этом подходе предлагается бороться не с коммерческим сексом как таковым, но с теми условиями (общественная стигматизация, законодательные ограничения, экономическая незащищенность), которые делают секс-работниц уязвимыми по отношению к разным формам насилия и дискриминации.

В фокусе данной статьи находится нео-аболиционистский проект, формирующийся на пересечении глобальных феминистских дискурсов, их локальных переводов и задействований русскоязычными феминистками. Точнее, речь пойдет о том, как русскоязычные радикальные феминистки пытаются найти практические решения глобальных и локальных проблем собственной версии феминистского проекта через обсуждение коммерческого секса.

Методологическая вставка I

Я должен оговориться, что теоретически и политически разделяю взгляды pro-sex work feminism, хотя согласен с некоторыми критическими замечаниями в отношение этой позиции [Agustin 2005;

Bernstein 2007; Haley et al. 2006]. В то же время нео-аболиционистский проект вызывает у меня гораздо больше опасений как в отношении его влияния на сферу коммерческого секса, так и в его основных теоретических и стратегических положениях. Таким образом, академическая легитимность моего исследования не связана с классическими представлениями о нейтральности научного знания. Скорее, я руководствуюсь методологическими и теоретическими подходами, разработанными внутри феминистской эпистемологии.

Феминистские и гендерные исследования всегда политизированы, так как они генеалогически связаны с критикой неравенства и доминирования одних групп над другими, а также иными формами политического активизма [Pulkkinen, 2016]. Помимо критических установок исследовательницы и исследователи, работающие внутри этих подходов, зачастую формулируют и позитивные утверждения, обращая внимание не только на то, что «пошло не так», но и формулируя альтернативные точки зрения, высказываясь о желаемых трансформациях [Suchland, 2015]. Таким образом, признается, что исследовательская деятельность может иметь не только академические, но и политические импликации. В этом отношении феминистская эпистемология сближается с марксистскими, постколониальными и ЛГБТК-исследованиями, для которых процесс производства знания также никогда не является политически нейтральным.

Разработанные в рамках феминистской интеллектуальной традиции эпистемологические подходы «теории угла зрения» (standpoint theory) [Здравомыслова, Темкина, 2001] и «ситуационного знания» (situated knowledges) [Haraway, 1988] артикулировали и легитимировали важность рефлексии в отношении позиции субъекта, производящего знание, а также неизбежной ситуативности и частичности такого знания. Ситуативность означает, что всякое знание производится наблюдательницей, которая находится не в трансцендентной позиции по отношению к явлениям, которые она или он описывают, но размещается в конкретном месте (гендерно, сексуально, этнически, классово), и, конечно, политически маркированном. Критикуя традиционный подход, в котором залогом легитимности научного знания является презумпция нейтральности позиции исследователя, Д. Харауэй заявляет, что такая нейтральность всегда оказывается лишь фикцией, маскирующей позицию агента познания, вписанную в определенную конфигурацию властных отношений [Haraway, 1988]. Новым критерием объективности Харауэй объявляет именно эксплицитное включение исследовательской позиции и задаваемой ею оптики в процесс интеллектуального производства. Следуя за описанным направлением феминистской эписте-

мологии, данное исследование также строится на представлении о политизированности и ситуативности не просто как неизбежных компонентах научного знания, но как о продуктивных и даже конститутивных элементах процесса познания.

Тревога основания

Напряжение внутри глобального феминистского движения фиксируется достаточно давно, например, в работах таких теоретиков, как Гейл Рубин [Rubin, 1984], Джудит Батлер [Butler, 1990], Донна Харауэй [2017]. Тревожность, открыто манифестированная в конфликтах начала 1980-х, получивших название feminist sex wars [Alison 2017; Bracewell 2016], со временем приобретала новые формы и интенсифицировалась до степени, в которой «доходит практически до паранойи» [Haley et al., 2006, p. 378]. Чтобы понять логику ситуации и причины феминистской тревожности, необходимо совершить краткий исторический экскурс.

В статье «О невозможности женских исследований» Венди Браун [Brown, 1997] пишет, что ранняя «вторая волна» феминистских исследований и активизма, начавшая развиваться с 1960-х годов, помогла вскрыть и артикулировать ряд проблематик, связанных с несправедливым и неравным положением женщин, которые до этого оставались невидимыми и игнорировались в рамках существовавших систем производства знания и власти. Речь о проблематиках, связанных с различными видами неравенства и дискриминации, которые испытывают женщины в сферах труда, публичной жизни, образования и сексуальности. Одной из самых эффективных стратегий борьбы с упомянутыми неравенствами стал феминистский анализ и деконструкция властных техник, которые производили женщину как отдельный, отличный от мужского, субъект, а заодно наделяли ее значениями и функциями, ограничивающими возможности во многих сферах [Pulkkinen, 2016]. Поэтому в эпистемологическом плане радикальный феминизм «второй волны» так или иначе адаптировал социально-конструктивистскую методологию [Hirschauer, Mol, 1995].

Можно сказать, что по крайней мере в некоторых западных странах, а также на интернациональном уровне (ООН, ЕС) карьера феминизма как политического и интеллектуального проекта сложилась относительно успешно [Hale et al., 2006], особенно, если смотреть из России [Воронина, 2007]. По мере того как феминистская критика обретала легитимность, феминизм стал институционализироваться в академии, юридической экспертизе, социальных программах и международных институтах, а «женщина» превратилась в объект специальных феминистских исследований, социальной забо-

ты и законодательного регулирования [Brown, 1997; Bumiller, 2008; Haley et al., 2006].

Однако у этого успеха, помимо бесспорных достижений, есть и обратная сторона. В процессе институционализации феминистского движения легитимность всего поля феминистских исследований обосновывалась существованием универсального женского субъекта [Brown, 1996; Butler, 1990]. Поэтому там, где логика социального конструктивизма предполагала постановку под сомнение не только доминирующих представлений о гендерном порядке, но и собственно феминистских представлений о женском опыте и женщине как абстрактной и универсальной категории, радикальные феминистки прибегали к «избирательному релятивизму» [Hirschauer, Mol, 1995, p. 370]. Признавая социально-сконструированный и соответственно неистинный характер патриархальных представлений о гендере, власти и сексуальности, они стремились представить женский опыт угнетения и общность женщин как существующие реально и обладающие статусом истины [Brown, 1996]. Но поскольку подобный реализм уже не мог выводиться из биологических констант, он начал обосновываться константами социальными: на смену «естественнонаучному» фундаментализму пришел фундаментализм социального. По замечанию Харауэй [2017], такие радикальные феминистки, как Кэтрин МакКиннон, ввели негативное социо-онтологическое обоснование фигуры женщины [Там же]. Существование Женщины как универсальной категории стало обосновываться представлениями о транс-историческом и транскультурном патриархатном угнетении. Поскольку патриархат понимался как вездесущая, гомогенная и, самое главное, реально существующая сила, постольку этими же качествами наделялся и подверженный ей субъект — женщина. Такое негативное онтологическое основание, пусть и довольно минималистичное, гарантировало стабильность универсального женского субъекта, а также когерентность и легитимность поля женских исследований и социально-политических инициатив.

Однако с появлением постколониальных, постструктуралистских и квир-теорий универсальный субъект феминистских исследований оказался под угрозой [Brown, 1997; Carbin, Edenheim, 2013]. Единый опыт женского угнетения был поставлен под сомнение, как и возможность существования универсального женского субъекта [Crensaw, 1990; Тлостанова, 2009]. Эти теории и исследования стали вводить новые различия, в основе которых лежало не одно измерение, но пересечение множественных отношений власти и идентичностей, таких как класс, сексуальность, раса, культура, религия, язык и гендер. Обычно теоретические и политические процессы, послужившие артикуляции новых различий, не асси-

милируемых под одной детерминирующей категорией, описываются как появление «третьей волны» феминистских исследований и активизма.

Но появление третьей волны в данном случае не означает, что вторая сошла в пучину истории. Она продолжает бороться за свое существование, пытаясь удержать женщину как единую, стабильную категорию, отсылающую к определенному типу субъекта и опыта. Пожалуй, наиболее ярко и артикулировано это стремление сохранить единство женщин выражено в книге МакКиннон [1987] с характерным заглавием «Неизменный феминизм». Автор, полагая свою версию феминизма единственно верной [Bartlett, 1987], выступает против радикальных различий и трансформаций в феминистском движении, которые обвиняются в подрыве его единства и негативном влиянии на политический и теоретический потенциал движения. Соответственно по многим вопросам радикальные феминистки и представительницы третьей волны находятся в состоянии разногласия и конфликта.

Тревога перевода

Здесь стоит объяснить, почему для исследования споров русскоязычных феминисток по поводу коммерческого секса я обращаюсь не к истории советского или постсоветского феминизма и гендерных исследований, а к транснациональным дискурсам. Мой ответ будет довольно прост: потому что именно эти дискурсы актуализируются и мобилизуются современными феминистками для артикуляции собственной позиции и критики несогласных. Более того, оригинальные российские исследования коммерческого секса по большому счету игнорируются в русскоязычных феминистских дебатах, а если и задействуются, то не в качестве отправной точки, а в качестве дополнительных аргументов, вписанных в более общие диспозиции. Впрочем, следует признать, что русскоязычных феминистских исследований, связанных с коммерческих сексом, немного [Кондаков, 2017; Крупец, Нартова, 2010; Ходырева, 2006]. В российском академическом поле доминирует, скорее, консервативный подход [Демчук, 2016; Конев, 2011; Осокин, 2014 и др.].

С другой стороны, стоит отметить, что развитие феминистской теории и активизма начиная с эпохи перестройки, то есть со становления современного феминистского движения в России, сильно зависело от перевода западных текстов и идей, а также от усвоения практик и финансовой помощи со стороны различных источников из США и Европы [Johnson, 2009; Sperling, 2014]. Так, например, на ранних стадиях формирования движения одним из условий обретения статуса лидера движения было владение английским

языком и наличие связей с иностранными организациями или личных связей с западными феминистками [Kondakov, 2012; Здравомыслова, 1996]. Несмотря на то что композиция современного феминистского движения сильно изменилась под влиянием как политических, так и социо-технологических факторов (например, распространение и доступность интернета) [Sperling 2014], оно продолжает зависеть от знаний и практик, произведенных на «Западе». В условиях же консервативного поворота, в результате которого сама возможность проведения оригинальных гендерных и феминистских исследований сильно сократилась (отсутствие ресурсов, идеологический контекст) [Johnson, 2009; Temkina, Zdravomyslova, 2014], ориентация феминистского движения на перевод идей и практик, доступных относительно свободно благодаря интернету, стала практически неизбежной. В то же время такая ситуация становится проблематичной по нескольким причинам.

Перевод никогда не воспроизводит оригинал с абсолютной точностью. В него закрадываются искажения и помехи [Бурдье, 2005; Derrida, 2001]. Более того, невозможно перевести все тексты, поэтому уже сам выбор того, что будет переведено, а что нет, влияет на конечный результат. Так, например, в случае с переводами текстов, представляющих различные феминистские взгляды на коммерческий секс, существует явный дисбаланс: количество переведенных нео-аболиционистских текстов значительно превосходит переводы текстов с феминистской критикой этой позиции[1]. Достаточно сказать, что в феминистских медиа мне удалось обнаружить всего три текста последнего типа[2]. В то же время только на ресурсе womenation.org размещено более 20 переведенных про-нео-аболиционистских текстов, 9 опубликовано на ресурсе netovar.org, и еще ряд текстов размещен на других площадках.

Стоит отдельно отметить книгу Натальи Ходыревой [2006] «Современные дебаты о проституции: гендерный подход», теоретическая часть которой представляет собой синтетический и апологетический перевод нео-аболиционистских аргументов. Эта работа, довольно часто цитируемая в феминистских спорах вокруг коммерческого секса, является наиболее фундаментальным и объемным русскоязычным феминистским текстом по данному вопросу, пока что не имеющим аналогов по своему масштабу. Вероятно, поэтому книга пользуется очень высоким авторитетом в феминистской

1 В США, по крайней мере в академическом поле, господствует про-секс-феминизм, а нео-аболиционизм занимает довольно маргинальное положение [Walters, 2016].

2 На сайте «Серебряной Розы» опубликовано больше критических текстов, однако он не позиционируется как феминистский: goo.gl/92jDeE.

среде. В спорах с оппонентками нео-аболиционистки иногда используют упоминание этой работы, без отсылки к конкретному содержанию, как самостоятельное доказательство или аргумент [Бегальская, Вилкин (ред.), 2017, с. 211, 220].

В процессе перевода к «количественным» искажениям, описанным выше, прибавляются и «содержательные». Например, начиная от таких относительно безобидных случаев, когда итальянская исследовательница Тереза де Лауретис, сделавшая академическую карьеру в США, становится «француженкой», а Джудит Батлер, отделяющая свой проект от делезианского, — делезианкой, до более существенных, примеры которых можно найти в статье Барчуновой [2002]. К тому же сам акт перевода, даже если он выполнен идеально, прибавляет контекст и место публикации (определенные издательства, сайты), фигуру переводчика или переводчицы, вступления, введения, послесловия, переозначивающие и апроприирующие оригинальный текст [Бурдье, 2005]. Таким образом, сам перевод неизбежно производит различия, а, следовательно, и является источником тревоги по поводу соответствия «оригиналу.

К проблематичности самой практики перевода прибавляется и сомнение мета-уровня относительно того, насколько в принципе переводимые знания и практики подходят для работы с локальным контекстом. Рефлексия по этому поводу отчетливо представлена в академическом феминистском сообществе. Так, например, практически в каждом номере журнала «Гендерные исследования», издававшегося с 1999 по 2014 г., есть по крайней мере одна статья (обычно больше), поднимающая проблему соотносимости западных теорий с постсоветской действительностью. Пожалуй, наиболее остро эту проблему сформулировала Гапова, написав, что «наш “гендер” затрагивает совсем не те социальные темы, которые постсоветские женщины видят причиной своих проблем» [2006, с. 161], и что «гендер сам по себе является проблематичным инструментом для концептуализации постсоветского неравенства» [Там же, с. 162].

Таким образом артикулируются опасения об адекватности переводимого феминизма вместе с его набором тем и политико-теоретическим инструментарием для работы в сложившихся на постсоветском пространстве экономических, социальных и политических конфигурациях. Проблематичность этого аспекта озвучивается и некоторыми западными исследовательницами [Cerwonka, 2008; Johnson, 2009; Эдлем, 2009]. Однако существует и другой вид тревоги, в котором акцент ставится не на (возможной) неадекватности западных понятий для работы с локальным контекстом, но, напротив, на неадекватности самого контекста, слишком чуждого по отношению к феминистским идеями, вынужденным прорастать «во враждебной им среде, как цветок на асфальте» [Воронина 2007,

с. 174]. В предельном случае тревоги по поводу адекватности перевода и контекста приводят к постановке под вопрос всего проекта, как это очевидно из названия статьи Натальи Каменецкой «Существует ли постсоветский феминизм?» [2007]. Что, однако, вовсе не означает того, что напряжение между «локальным контекстом» и «западными» теориями и практиками является непреодолимым, или что само это напряжение не может быть источником новых теоретических и политических проектов [Cerwonka, 2008].

Тем не менее в целом можно сказать, что российский феминизм испытывает двойную тревогу, разделяя с транснациональным феминизмом опасения по поводу оснований самого феминистского проекта (точнее, их утраты), которая дополняется неуверенностью по поводу того, насколько переводимые западные теории и практики соответствуют российской и постсоветской действительности. В некотором смысле последний аспект является частным случаем проблематичности перевода транснационального феминизма, в котором гегемонную позицию занимают дискурсы, произведенные на глобальном Севере, в национальные контексты других стран, или перенесения теорий и подходов, разработанных с фокусом прежде всего на опыте белых женщин среднего класса на другие этнические и классовые группы [Amos, Parmar, 1984; Helliwell, 2000]. Таким образом, эта тревога, как и тревога по поводу универсального женского субъекта, является локально-глобальной, или глокальной [Swyngedouw, 1997], в которой разные уровни взаимодействуют и со-конституируют друг друга.

Я исхожу из того, что дискуссии вокруг коммерческого секса представляют собой попытку отстоять легитимность определенного феминистского проекта перед лицом тех вызовов, которые присутствуют как на транснациональном, так и на национальном уровнях. Средством избавления от тревоги становится мечта об общем феминистском языке [Carbin, Edenheim, 2013], то есть попытка сконструировать универсальность и самоочевидность смысла и значения такой категории, как «женщина», и, как будет показано далее, связанной с ней категории «женщины, вовлеченной в проституцию».

Методологическая вставка II

Воспроизводство, перевод и циркуляция текстов, теорий и практик конституирует современный феминизм в качестве транснационального феномена, в котором разные контексты и ситуации пересекаются, накладываются, сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Если российский феминизм невозможно понять без обращения к глобальному феминистскому проекту, то верно и об-

ратное: ситуация в России и других постсоветских странах оказывает важное влияние как на локальные феминизмы в других странах [Kulick, 2003], так и на международные проекты [Suchland, 2015].

Я буду переключаться между англоязычными и русскоязычными дискурсами, стараясь не редуцировать комплексность исследуемого феномена, поскольку он формируется взаимодействием акторов, находящихся в различных ситуациях, где границы между национальными, локальными и глобальными уровнями размыты. К тому же я буду следовать представлению, согласно которому исследователь не является невинной и нейтральной фигурой, но участвует в конструировании исследуемого объекта [Barad, 2003], в том числе в конструировании дискурсивного объекта, предполагающем переключение между разными дискурсивными фрагментами ради выявления логики их композиции и смысла [McGee, 1990]. На языке Донны Харауэй это можно было бы определить как диффракционное чтение [Haraway, 1992], оптика которого задается перемещением от русскоязычных блогов до англоязычных академических публикаций и в обратном направлении, выстраивая дискурсивный ассамбляж из размещенной, но динамической оптической позиции.

Конструируя коммерческий секс

Поскольку объектами феминистской тревоги являются статус женского субъекта и проблема перевода (лингвистического, культурного и политического), то я постараюсь показать, как обсуждение коммерческого секса связано с этими тематиками. Как мне кажется, эти обсуждения направлены, если не на снятие тревоги на уровне теории, то по крайней мере на конструирование таких дискурсивных практик (общего языка), которые способны работать так, как если бы их основания были очевидными и не подверженными сомнению. Как я постараюсь показать, коммерческий секс играет роль базовой семантической единицы в проекте создания и распространения общего феминистского языка, универсальность и тотальность которого отсылают к признанию женской общности. Но для того чтобы играть подобную роль, коммерческий секс должен быть сконструирован таким образом, чтобы работать в ситуации глобальной феминистской тревоги, связанной с темой различия и единства.

Нео-аболиционистские представления о коммерческом сексе основываются не столько на эмпирических данных, сколько на постулатах этического и даже метафизического характера [Alison, 2017; Ellison, 2017; Weitzer, 2005], которые также могут встраиваться в патриархальные [Levy, Jacobsson, 2013], националистические [Kulick, 2003], колониальные [Doezema, 2000] и консервативные про-

екты [Ellison, 2017; Halley et al., 2006]. Исследовательница из Нидерландов Иен Ванвесенбейк даже считает этот подход одним из проявлений политики пост-правды (post-truth) [Vanwesenbeeck, 2017, p. 1638], в которой технократическая апелляция к знанию заменяется обращением к эмоциям и особенно к ресентименту [Brown, 1996; Montgomery, 2017].

В нео-аболиционистском дискурсе коммерческий секс рассматривается исключительно как насильственная доминация и эксплуатация со стороны мужчин, выступающих в роли насильников над «женщинами, вовлеченными в проституцию» [prostituted women] [Ходырева, 2006]. Делая акцент на том, что занятие коммерческим сексом негативно сказывается как на психологическом, так и на физиологическом состоянии «проституированных женщин», современный нео-аболиционизм близок к определению коммерческого секса как «физиолого-нравственного преступления», разработанного ранними феминистками в конце XIX — начале XX веков. К тому же коммерческий секс рассматривается как форма рабства, в которую женщины попадают либо вследствие насилия и обмана, либо непреодолимых жизненных обстоятельств, а не как занятие, осуществляемое женщиной по выбору [Doezema, 2000; Weitzer, 2007]. Эти положения стали основанием для «шведской модели»: закона, криминализовавшего покупку сексуальных услуг, и принятого в 1999 г. в Швеции [Ekberg, 2004], идеальной, с точки зрения нео-аболиционисток, политики в отношении коммерческого секса.

Особенностью этого закона является криминализация покупки даже в том случае, если сексуальные услуги оказываются добровольно. Таким образом, иррелевантность выбора со стороны секс-работы юридически закрепляется и кодифицируется [Kulick, 2003; Vanwesenbeeck, 2017]. В используемом в нео-аболиционизме понятии «проституированной женщины» уже на лексическом уровне элиминируется всякая возможность агентности. В конечном счете оказывается неважно, кто именно «проституировал» женщину — сутенер, социально-экономические структуры, патриархат или даже она сама, — в любом случае та, которую «проституировали», абсолютно пассивна, а источником активности является тот, кто «проституирует», маскулинный субъект. Когда Наталья Ходырева [2006, с. 149] заявляет: «очевидно, что благополучная, сильная в личностном плане женщина обычно сама “не выберет” проституцию», это не является постулатом, обоснованным эмпирически (что не является тайной для нео-аболиционизма и даже для самой Ходыревой, как будет показано в дальнейшем). Поэтому данное предложение скорее стоит читать не как описание реального положения дел, сколько как этическую формулу, в которой благополучная, сильная женщина и проституция оказываются на разных

полюсах. А женщина, которая «выбирает», неизбежно оказывается слабой и неблагополучной (даже если она сама считает по-другому), и тогда выбор оказывается взят в кавычки, становится псевдовыбором, совершаемым в условиях экономического или эмоционального давления.

Таким образом, «проституированная женщина» оказывается предельной фигурой жертвы, она не оказывает сопротивления, не получает удовольствия, не принимает решений, лишь испытывает страдания. Исследовательницы уже не раз отмечали, что подобный подход объективирует занимающихся коммерческим сексом женщин, лишает их субъектности и агентности [Alison, 2017; Doezema, 2000; Vanwesenbeeck, 2017]. Отмечалось также и то, что подобное разделение, в котором «проституированная женщина» оказывается абсолютно пассивна, а мужчина-клиент, напротив, воплощает активное начало, воспроизводит патриархальные представления о мужской и женской природе [Carline, 2011; Levy, Jacobsson, 2013]. Более того, множество различных ситуаций здесь редуцируется до одной формулы, допускающей лишь роли жертвы и насильника. Однако все это еще не отвечает на вопрос, а скорее даже делает его еще более настоятельным, почему же нео-аболиционистки продолжают воспроизводить этот дискурс.

Здесь, как мне кажется, очень важна следующая связка. После того как коммерческий секс описан как патриархальное насилие, фигура жертвы распространяется не только на «проституированных женщин», но и на всех женщин вообще. Аргумент заключается в том, что институт проституции негативно сказывается на всех женщинах, потому что он предполагает наличие у мужчин права покупки женского тела, тем самым конструируя женское тело как продаваемое, отчуждаемое, объективированное [Dworkin, 1997; Ekberg 2004; Ходырева, 2006].

В цитате Рейчел Моран из одного переведенного текста, циркулирующего в онлайн-пространстве, говорится: «Принятие проституции делает всех женщин потенциальными проститутками в общественном понимании, поскольку существуют только два требования для женщины, чтобы работать в борделе: одно — это обстоятельства, которые ее туда помещают, [...] а другое — это то, что у нее есть вагина, и все женщины рождаются, выполнив по крайней мере одно из них»[1]. Парадоксальным следствием этого утверждения становится то, что проституция оказывается единственным основанием для того, чтобы говорить о женщинах как

1 *«Кого вы слушаете? О том, что такое «слушать секс-работниц»* (Womenation.org: goo.gl/QNrGbZ).

о единой категории. Признавая, что женщины отличаются социально («обстоятельства») и биологически (не у всех женщин есть «вагина»), именно негативное влияние проституции оказывается общим для всех женщин, придавая им актуальный или потенциальный статус жертв.

Однако следующий ход еще более примечателен. «Иными словами, женщины как класс находятся под воздействием секс-работы как факта, что значит, что все женщины имеют право быть выслушанными как класс, пораженный проституцией» [Там же]. Другими словами, не только секс-работники и работницы имеют право голоса относительно вопроса о регулировании коммерческого секса, но и любая другая женщина — ведь проституция «касается» или «поражает» всех женщин. Вместе с тем здесь опять-таки предполагается потенциальное различие между «всеми женщинами» и женщинами, занимающимися коммерческим сексом.

Иначе зачем бы нам потребовалось слушать еще и первых, если они скажут то же самое, что и вторые? Но, очевидно, позиции первых и вторых могут не только различаться, но еще и противоречить друг другу. В итоге секс-работницы, которые не согласны с нео-аболиционистской позицией, подвергаются исключению: более мягкому в том случае, когда говорится о том, что их частные интересы все-таки должны быть учтены [Overall, 1992], до более жесткого варианта, когда они провозглашаются предательницами феминизма [Alison, 2017, p. 310]. Однако в любом случае их голоса делегитимируются: либо потому, что они представляют меньшинство по отношению ко «всем женщинам»; либо потому, что их голоса вообще не их, а через них говорит мужская, патриархальная власть: «никогда нельзя быть уверенными, что они говорят правду, что они не натасканы сутенерами публично говорить то, что выгодно именно им про добровольный выбор и любовь к своей работе»[1]. Нео-аболиционизм признает лишь те опыты и истории, которые укладываются в «нарратив жертвы». Остальные голоса делегитимируются и де-аутентифицируются, превращаясь в голоса «сутенеров» или «сутенерского лобби» [Alison, 2017; Hoefinger, 2016].

Однако та же самая история с исключением присутствует и на уровне конструирования «проституированной женщины» как пассивной жертвы. Как под давлением самих секс-работниц, так и под давлением феминистской критики, нео-аболиционистки все-таки признают, что существует некоторая категория женщин, которые выбирают (без кавычек) коммерческий секс и считают это

1 «*Не должно быть права покупать людей. Как побороть проституцию».* (mr7.ru: http://mr7.ru/articles/116982/).

вполне приемлемой занятостью. В одном из интервью Наталья Ходырева говорит, что ей известно о женщинах, которым «*нравится эта работа, раскрывающая их сексуальность и идентичность*». Но далее она заявляет:

> «Эта *ничтожная группа* не должна влиять на политику в отношении проституции. Даже если женщина окончила МГИМО, а потом выбрала для своего удовольствия занятия проституцией, это не должно нас убеждать в том, что женщины без оного образования тоже хотят быть проститутками»[1] (курсив мой. — *Д.Ж.*).

Другими словами, даже если благополучная и сильная женщина выберет проституцию, то это все равно ничего не значит, а с мнением таких женщин необязательно считаться. Другой пример более показателен. В 2013 г. блогерка Леда Гарина писала (тогда она еще не была аболиционисткой и, напротив, выступала за легализацию секс-работы).

> «Пока из моих личных *знакомых* — только две девушки работали в салонах, при этом учились, на наркоте *не сидели, никто их не бил*, и через некоторое время они *успешно* вышли замуж за бывших клиентов»[2] (здесь и далее курсив мой. — *Д.Ж.*).

В 2015 г. после своего становления нео-аболиционисткой она одобрительно цитирует следующий пассаж: «Большинство этих женщин, которые, как предполагается, “работают”, находятся в невменяемом состоянии из-за *выпивки и наркотиков*»[3]. А вот цитата из ее же выступления на конференции «Экономика наслаждений»[4] в ЦНСИ тоже в 2015 г.: «К сожалению, я *не встречалась* с примерами какими-то положительными, а отрицательными примерами встречаюсь очень часто» [цит. по Бегальская, Вилкин (ред.), 2017, с. 221]. Здесь имеются в виду примеры положительного опыта занятия коммерческим сексом. А в 2017 г. она уже будет утверждать: «В 99% это [вовлечение в проституцию] следствие экономически невыносимой ситуации и представления о том, что у мужчин есть право распоряжаться чу-

---

1 «*Гламурный имидж проституции вводит в заблуждение (интервью с Н. Ходыревой)*» (Womenation.org: http://womenation.org/hodyreva-prostitution-glam-image/).

2 «*Проституция, юридическая и фактическая*» (Livejournal: https://ledagarina.livejournal.com/52661.html).

3 «*Занимательная социология о проституции. 5 часть. Опиумные войны*». (Livejournal: http://ledagarina.livejournal.com/560490.html).

4 «*Экономика наслаждений: сексуальный труд и социальная стигматизация в условиях неолиберального капитализма*» (ЦНСИ: https://cisr.ru/news/economy-of-pleasure/).

жим телом»[1]. Как объяснить эти дискурсивные трансформации? Воображаемые или реальные «успешные» знакомые из 2013 г. исчезают, после того как блогерка становится нео-аболиционисткой. Вместо них появляются 99% и фигура пассивной, страдающей жертвы. Одна конструкция вытесняет другую. В нео-аболиционистском дискурсе нет места для различия [Alison, 2017; Hoefinger, 2016]. Но другие опыты и голоса не просто исключаются, они еще и де-легитимируется и де-аутентифицируются.

Коммерческий секс как черный ящик

В дискурсе нео-аболиционизма женщины, занимающиеся коммерческим сексом, «становятся не более чем метафорой мужского насилия или патриархатных структур» [Alison 2017, p. 310]. Соглашаясь с этим выводом, мне бы хотелось добавить, что, как и всякая метафора, «проституированная женщина» не просто описывает «реальность», но также обладает и перформативным эффектом, то есть является формой действия и действует сама. В этой роли она не только обозначает ужасы патриархата, но и помогает реставрировать единство женского субъекта. Коммерческий секс, представляемый как опасный для всех женщин, неважно, вовлечены они в него или нет, одновременно дает возможность говорить обо всех женщинах как о группе, и через это говорение сконструировать их как группу, объединенную неким опытом, виртуальным или реальным. И эта разделяемая всеми женщинами угроза, исходящая от коммерческого секса, легитимирует претензию нео-аболиционистской версии феминистского проекта говорить от лица женщин как универсальной категории.

Таким образом, устраняется тревога, связанная с основанием, но остается еще проблема перевода. Отчасти она решается за счет конструирования общности всех женщин, которая гарантируется универсальной опасностью коммерческого секса. Эта общность опыта создает виртуальный гомогенный континуум, в котором смыслы и знаки могут перемещаться, практически не нуждаясь в переводе, так как они в любом случае обозначают один и тот же объект, а, следовательно, и отсылают к одному и тому же опыту. Но тут встает вопрос, действительно ли коммерческий секс в любой культуре и в любой ситуации остается одним и тем же? В то время как исследовательницы, использующие постколониальную оптику, обращают внимания на различия в представлениях о коммерческом сексе

1 *«Чужое тело — чужое дело». Российские феминистки о браке, абортах и боди-позитиве* (Snob.ru: https://snob.ru/selected/entry/121420).

в разных культурах и сообществах [Helliwell, 2000; Kempadoo, 1999], в нео-аболиционистском подходе эти различия если и признаются, то конструируются как несущественные.

Кэтлин Барри в работе 1979 г., заложившей основу дальнейшего развития дискурсов о коммерческом сексе в радикальном феминизме [Suchland, 2015, p. 30], предложила рассматривать проституцию как проявление универсального «женского сексуального рабства», которое не знает культурных и социальных различий. Как пишет Дженнифер Сачлэнд, для Барри «ни локальные патриархальные нормы, ни политические и экономические отношения между национальными государствами не важны для понимания или определения сексуального рабства» [Suchland, 2015, p. 30–31]. Как писала сама Барри, «нет ничего уникального в разных культурах в практике порабощения женщин, кроме, быть может, разнообразия стратегий, которые мужчины используют для их осуществления» [Barry 1979, p. 140], подразумевая, что, несмотря на различные формы, социальная сущность коммерческого секса неизменна. Другими словами, значение проституции задается не конкретной констелляцией властных отношений, угнетений и сопротивлений, но неизменной, транскультурной и транс-исторической социальной сущностью, обеспечиваемой представлениями о столь же тотальных и универсальных категориях, как мужское господство и женское подчинение.

Эта операция универсализации коммерческого секса дополняется радикальной редукцией его содержания. Наталья Ходырева вслед за Дворкин [Dworkin 1997] заявляет, что проституция сама по себе очень простое явление. Более того, «чем более сложным явлением ее себе представляют, тем более маскируют реальность того физического насилия, которое происходит в проституции»[1]. То есть о проституции не нужно знать ничего, кроме того, что она представляет собой форму насилия над женщинами. Более того, новое знание может быть не просто бесполезным, но еще и опасным, так как оно грозит скрыть саму сущность рассматриваемого явления (т. е. патриархальное насилие). Такая позиция ведет к декотентекстуализации, радикальному редукционизму и социальному эссенциализму в рассмотрении коммерческого секса. Но именно эти операции делают такую конструкцию удобной для перевода.

Можно сказать, что таким образом коммерческий секс превращается в «черный ящик» (black box), который «не нуждается в понимании того, что происходит у него внутри. Он просто классифицируется как инструмент, выполняющий определенную ценную

1 «*Гламурный имидж проституции вводит в заблуждение (интервью с Н. Ходыревой)*». (http://womenation.org/hodyreva-prostitution-glam-image/)

функцию» [Winner, 1993, p. 365]. Для радикального феминизма и нео-аболиционизма такой полезной функцией черного ящика коммерческого секса стала легитимация собственного теоретического и политического проекта.

Вывод: «мечта об общем языке»

Ценой такой легитимации феминистского проекта становится редукционистское и инструментальное понимание коммерческого секса, а также исключение опытов и голосов, которые не укладываются в нео-аболиционистскую модель. Универсализация и эссенциализация проституции позволяют производить женщин как группу, объединенную общим опытом, и обезопасить феминистский проект от вопросов о переводе и адаптации в разных контекстах. В нео-аболиционизме проституция становится базовой лексической единицей в «феминистской мечте об общем языке, которая, как и все мечты об абсолютно истинном языке, о совершенно верном именовании опыта, — мечта тоталитарная и империалистическая» [Харауэй, 2017, с. 64]. Общность конструируемого языка устраняет как для глобального, так и для локального русскоязычного, радикально-феминистских проектов затруднения, связанные с постоянной необходимостью перевода идей и практик между разными контекстами, учета различий, сложностей и гетерогенностей.

Однако конструирование единства и гомогенности не обходится без исключения тех, кто в силу каких-либо причин отказывается или не может говорить на предлагаемом языке, или говорит на другом. Но если мы мечтаем о более инклюзивном, полифоническом феминизме, в котором важны разные голоса и позиции, то необходимые феминизму доступные и понятные политические артикуляции должны выстраиваться через внимание к гетерогенностям, трудностям перевода, культурным и историческим различиям, а не через пренебрежение ими, особенно если это пренебрежение может повлечь негативные последствия для маргинализированных групп.

Библиография

Барчунова Т. (2002) «Эгоистичный гендер», или Воспроизводство гендерной асимметрии в гендерных исследованиях. *Общественные науки и современность*, 5: 180–192.

Бегальская В., Вилкин А. (ред.) (2017) *Любовь за деньги: партисипаторные проекты Терезы в области исследования феномена проституции?* М.: Свободное Марксистское издательство.

Бурдье П. (2005) Социальные условия международной циркуляции идей. Бурдье П. *Социальное пространство: поля и практики*, СПб.: Алетейя; М.: Ин-т экспериментальной социологии: 539–554.

Воронина О. (2007) «Английский рецепт» для российских гендерных исследований. *Гендерные исследования,* 15: 174–179.

Гапова Е. (2006) Классовый вопрос постсоветского феминизма или об отвлечении угнетенных от революционной борьбы. *Гендерные исследования,* 15: 144–164.

Демчук С. (2016) Проституция как криминогенное социальное отклонение. *Юридическая наука и правоохранительная практика*, 4: 82–92.

Здравомыслова Е. (1996) Коллективная биография современных российских феминисток. А. Тёмкина, Е. Здравомыслова (ред.) *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период*, СПб: ЦНСИ: 33–60.

Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2001) Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений. И. Жеребкина (ред.) *Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие*, Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя: 174–196.

Каменецкая Н. (2007) Существует ли постсоветский феминизм. *Гендерные исследования*, 16: 25–38.

Кондаков А. (2017) Рабство и господство как взаимные отношения: анализ договорных отношений в БДСМ. *Новое литературное обозрение,* 147: 170–183.

Конев А. (2011) О социально-политической, культурно-воспитательной и морально-правовой недопустимости проституции в России. *Вестник Нижегородской академии МВД России,* 1 (14): 200–207.

Крупец Я., Нартова Н. (2010) Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (4): 537–550.

Осокин Р. (2014) Общественное мнение как условие криминализации общественно опасных деяний (на примере занятия проституцией). *Юридическая наука и правоохранительная практика,* 1 (27): 58–63.

Тлостанова М. (2009) *Деколониальные гендерные эпистемологии*, М.: ООО «ИПЦ „Маска“».

Харауэй Д. (2017) *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х,* М.: Ad Marginem.

Ходырева Н. (2006) *Современные дебаты о проституции: гендерный подход*, СПб: Алетейя.

Эдлем К. (2009) Feminism не переводится: российские гендерные исследования и межкультурный перенос в 90-е и далее. *Гендерные исследования,* 19: 203–231.

Agustin L. (1998) *Sex at the Margins: Migration, Labour Markets and the Rescue Industry,* New York: Zed Books.

Agustin L. (2005) Migrants in the Mistress's House: Other Voices in the "Trafficking" Debate. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (1): 96–117.

Alison P. (2017) Sex Wars Revisited: A Rhetorical Economy of Sex Industry Opposition. *Journal of International Women's Studies,* 18 (4): 306–320.

Amos V., Parmar P. (1984) Challenging Imperial Feminism. *Feminist Review,* 17: 3–19.

Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society,* 28 (3): 801–831.

Barry K. (1979) *Female Sexual Slavery*, New Jersey: Prentice-Hall.

Bartlett K. (1987) MacKinnon's Feminism: Power on Whose Terms. *California Law Review*, 75 (4): 1559–1571.

Bernstein E. (2007) *Temporarily yours: intimacy, authenticity, and the commerce of sex*, The University of Chicago Press.

Bracewell L. (2016) Beyond Barnard: Liberalism, Antipornography Feminism, and the Sex Wars. *Signs: Journal of Women in Culture and Society,* 42 (1): 23–48.

Brown W. (1996) States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Brown W. (1997) The impossibility of women's studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies,* 93: 79–102.

Bumiller K. (2008) *In an Abusive State: How Neoliberalism Appropriated the Feminist Movement*, Durham; London: Duke University Press.

Butler J. (1999) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*, New York: Routledge.

Carbin M., Edenheim S. (2013) The intersectional turn in feminist theory: A dream of a common language? *European Journal of Women's Studies*, 20 (3): 233–248.

Cerwonka A. (2008) Traveling Feminist Thought: Difference and Transculturation in Central and Eastern European Feminism. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33 (4): 809–833.

Derrida J. (2001) What Is a "Relevant" Translation? *Critical Inquiry*, 27 (2): 174–200.

Doezema J. (2000) Loose women or lost women?: The re-emergence of the myth of white slavery in contemporary discourses of trafficking in women. *Gender Issues,* 18 (1): 23–50.

Dworkin A. (1997) *Life and death: Unapologetic writings on the continuing war against women,* New York: The Free Press.

Ekberg G. (2004) The Swedish Law That Prohibits the Purchase of Sexual Services. *Violence Against Women,* 10 (10): 1187–1218.

Ellison G. (2017) Who Needs Evidence? Radical Feminism, the Christian Right and Sex Work Research in Northern Ireland. S. Armstrong et al. (eds) *Reflexivity and Criminal Justice*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Farley M. (2004) Bad for the body, bad for the heart: Prostitution harms women even if legalized or decriminalized. *Violence Against Women,* 10: 1087–1125.

Halley J., Kotiswaran P., Thomas C., Shamir H. (2006) From the International to the Local in Feminist Legal Responses to Rape, Prostitution/Sex Work, and Sex Trafficking: Four Studies in Contemporary Governance Feminism. *Harvard Journal of Law and Gender*, 29 (2): 335–423.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies,* 14 (3): 575–599.

Haraway D. (1992) The Promises of Monsters: A Regenerative Politics for Inappropriated Others. Grosberg, Nelson, Treichler (eds) *Cultural Studies*, New York; London: Routledge: 295–337.

Helliwell C. (2000) "It's Only a Penis": Rape, Feminism, and Difference. *Signs*, 25 (3): 789–816.

Hoefinger H. (2016) Neoliberal Sexual Humanitarianism and Story-Telling: The case of Somaly Mam. *Anti-Trafficking Review,* 7: 56–78.

Johnson J. (2009) *Gender Violence in Russia: The Politics of Feminist Intervention*, Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.

Kempadoo K. (1999) Slavery or Work? Reconceptualizing Third World Prostitution. *Positions*, 7 (1): 225–238.

Kondakov A. (2012) An essay on feminist thinking in Russia: to be born a feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, 2 (7): 33–48.

Kontula A. (2008) The Sex Worker and Her Pleasure. *Current Sociology,* 56: 605–620.

Kulick D. (2003) Sex in the new Europe: The criminalization of clients and Swedish fear of penetration. *Anthropological Theory*, 3 (2): 199–218.

Leigh C. (2008) *On the Frontline of Sex Wars* (http://www.ontheissuesmagazine.com/july08/july2008_10.php)

MacKinnon C. (1987) *Feminism unmodified: Discourses on law and life*, Cambridge: Harvard University Press.

McGee M. (1990) Text, context, and the fragmentation of contemporary culture. *Western Journal of Speech Communication,* 54: 274–289.

Montgomery M. (2017) Post-truth politics? Authenticity, populism and the electoral discourses of Donald Trump. *Journal of Language and Politics,* 16 (4): 1–21.

NSWP [Global Network of Sex Work Projects] (2015) *Advocacy Toolkit: The Real Impact of the Swedish Model on Sex Workers.* (http://www.nswp.org/resource/the-real-impact-the-swedish-model-sex-workers-advocacy-toolkit)

Pulkkinen T. (2016) Feelings of Injustice: The Institutionalization of Gender Studies and the Pluralization of Feminism. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies,* 27 (2):103–124.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. C. Vance (ed.) *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality*, Boston; London: Routledge and Kegan Paul.

Sperling V. (2004) *Organizing Women in Contemporary Russia: Engendering transition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sperling V. (2014) *Sex, politics, and Putin: political legitimacy in Russia*, Oxford; New York: Oxford University Press.

Suchland J. (2015) *Economies of violence: transnational feminism, postsocialism, and the politics of sex trafficking*, Durham; London: Duke University Press.

Swyngedouw E. (1997) *Neither Global Nor Local: Glocalization and the Politics of Scale. In: Cox (ed.) Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*, New York; London: Guilford/Longman: 137–166.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences. *Studies in East European Thought*, 55 (1): 51–61.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology Monograph*,62 (2): 253–270.

Vanwesenbeeck I. (2001) Another decade of social scientific work on sex work: A review of research, 1990–2000. *Annual Review of Sex Research*, 12: 242–289.

Vanwesenbeeck I. (2017) Sex Work Criminalization Is Barking Up the Wrong Tree. *Annual Review of Sex Research*, 46: 1631–1640.

Walters S. (2016) Introduction: The Dangers of a Metaphor — Beyond the Battlefield in the Sex Wars. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 42 (1): 1–23.

Ward E., Wylie G. (eds) (2016) *Prostitution, feminism and the state: The politics of neo-abolitionism*, London: Routledge.

Weitzer R. (2005) Flawed Theory and Method in Studies of Prostitution. *Violence Against Women*, 11 (7): 934–949.

Weitzer R. (2007) The Social Construction of Sex Trafficking: Ideology and Institutionalization of a Moral Crusade. *Politics & Society*, 35 (3): 447–475.

Winner L. (1992) Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology. *Science, Technology, & Human Values*, 18 (3): 362–378.

References

Agustin L. (1998) *Sex at the Margins: Migration, Labour Markets and the Rescue Industry*, New York: Zed Books.

Agustin L. (2005) Migrants in the Mistress's House: Other Voices in the "Trafficking" Debate. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 12 (1): 96–117.

Alison P. (2017) Sex Wars Revisited: A Rhetorical Economy of Sex Industry Opposition. *Journal of International Women's Studies*, 18 (4): 306–320.

Amos V., Parmar P. (1984) Challenging Imperial Feminism. *Feminist Review*, 17: 3–19.

Barad K. (2003) Posthumanist Performativity: Toward an Understanding of How Matter Comes to Matter. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 28 (3): 801–831.

Barchunova T. (2002) "Egoistichnyi gender", ili Vosproizvodstvo gendernoi assimetrii v gendernyh issledovaniyah. ["Selfish gender", or Reproduction of gender asymmetry in gender studies]. *Obshchestvennie nauki i sovremennost'*, 5: 180–192.

Barry K. (1979) *Female Sexual Slavery*, New Jersey: Prentice-Hall.

Bartlett K. (1987) MacKinnon's Feminism: Power on Whose Terms. *California Law Review*, 75 (4): 1559–1571.

Begalskaya V., Vilkin A. (2017) *Lyubov' za den'gi:partisipatornie proekty Terezy v oblasti issledovaniya fenomena prostitutsii. [Love for money: Teresa's partisan projects in the field of research into the phenomenon of prostitution]*, Moscow: Svobodnoe Marxistskoe Izdatelstvo.

Bernstein E. (2007) *Temporarily yours: intimacy, authenticity, and the commerce of sex*, The University of Chicago Press.

Bracewell L. (2016) Beyond Barnard: Liberalism, Antipornography Feminism, and the Sex Wars. *Signs: Journal of Women in Culture and Society,* 42 (1): 23–48.

Brown W. (1996) States of Injury: Power and Freedom in Late Modernity, Princeton; New Jersey: Princeton University Press.

Brown W. (1997) The impossibility of women's studies. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies,* 93: 79–102.

Bumiller K. (2008) *In an Abusive State: How Neoliberalism Appropriated the Feminist Movement*. Durham; London: Duke University Press.

Bourdieu P. (2005) Sotsialnie usloviya mezhdunarodnoi tsirkulyatsii idey [*Social conditions of the international circulation of ideas],* Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices],* St. Petersburg: Aleteya; Moscow: Institute of Experimental Sociology: 539–554.

Butler J. (1999) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*, New York: Routledge.

Carbin M., Edenheim S. (2013) The intersectional turn in feminist theory: A dream of a common language? *European Journal of Women's Studies*, 20 (3): 233–248.

Cerwonka A. (2008) Traveling Feminist Thought: Difference and Transculturation in Central and Eastern European Feminism. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 33(4): 809–833.

Demchuk S. (2016) Prostitutsiia kak kriminogennoe sotsial'noe otklonenie. [Prostitution as criminogenic social deviance], *Iuridicheskaia nauka i pravookhranitel'naia praktika*, 4: 82–92.

Derrida J. (2001) What Is a "Relevant" Translation? *Critical Inquiry*, 27(2): 174–200.

Doezema J. (2000) Loose women or lost women?: The re-emergence of the myth of white slavery in contemporary discourses of trafficking in women. *Gender Issues,* 18 (1): 23–50.

Dworkin A. (1997) *Life and death: Unapologetic writings on the continuing war against women,* New York: The Free Press.

Edlem K. (2009) Feminism ne perevoditsia: rossiiskie gendernye issledovaniia i mezhkul'turnyi perenos v 90-e i dalee. [Feminism is not translatable: Russian gender studies and transcultural translation], *Gendernye issledovaniia*, 19: 203–231.

Ekberg G. (2004) The Swedish Law That Prohibits the Purchase of Sexual Services. *Violence against Women,* 10 (10): 1187–1218.

Ellison G. (2017) Who Needs Evidence? Radical Feminism, the Christian Right and Sex Work Research in Northern Ireland. S. Armstrong et al. (eds) *Reflexivity and Criminal Justice*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Farley M. (2004) Bad for the body, bad for the heart: Prostitution harms women even if legalized or decriminalized. *Violence against Women,* 10: 1087–1125.

Gapova E. (2006) Klassovyi vopros postsovetskogo feminizma ili ob otvlechenii ugnetennykh ot revoliutsionnoi bor'by. [The class issue of post-soviet feminism, or On the distraction of the oppressed from the revolutionary struggle], *Gendernye issledovaniia*, 15: 144–164.

Halley J., Kotiswaran P., Thomas C., Shamir H. (2006) From the International to the Local in Feminist Legal Responses to Rape, Prostitution/Sex Work, and Sex Trafficking: Four Studies in Contemporary Governance Feminism. *Harvard Journal of Law and Gender*, 29 (2): 335–423.

Haraway D. (1988) Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective. *Feminist Studies,* 14 (3): 575–599.

Haraway D. (1992) The Promises of Monsters: A Regenerative Politics for Inappropriated Others. Grosberg, Nelson, Treichler (eds) *Cultural Studies*, New York; London: Routledge: 295–337.

Haraway D. (2017) *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiia i sotsialisticheskii feminizm 1980. [Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the 1980s],* Moscow: Ad Marginem.

Helliwell C. (2000) "It's Only a Penis": Rape, Feminism, and Difference. *Signs*, 25 (3): 789–816.

Hoefinger, H. (2016) Neoliberal Sexual Humanitarianism and Story-Telling: The case of Somaly Mam. *Anti-Trafficking Review*, 7: 56–78.

Johnson J. (2009) *Gender Violence in Russia: The Politics of Feminist Intervention*, Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.

Kamenetskaia N. (2007) Sushchestvuet li postsovetskii feminizm? [Does the post-soviet feminism exist?] *Gendernye issledovaniia*, 16: 25–38.

Khodyreva N. (2006) *Sovremennye debaty o prostitutsii: gendernyi podkhod [Contemporary debates on prostitution: gender studies approach],* Saint-Petersburg: Aleteiia.

Kondakov A. (2012) An essay on feminist thinking in Russia: to be born a feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, 2 (7): 33–48.

Kondakov A. (2017) Rabstvo i gospodstvo kak vzaimnye otnosheniia: analiz dogovornykh otnoshenii v BDSM. [Master and Slave as a Collaborative Relationship: An Analysis of Contractual Relationships in BDSM]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 147: 170–183.

Konev A. (2011) O sotsial'no-politicheskoi, kul'turno vospitatel'noi i moral'no pravovoi nedopustimosti prostitutsii v Rossii. [On the socio-political, cultural-educational and moral-legal inadmissibility of prostitution in Russia], *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 1 (14): 200–207.

Kontula A. (2008) The Sex Worker and Her Pleasure. *Current Sociology,* 56: 605–620.

Krupets Ia., Nartova N. (2010) Pereopredelenie granits mezhdu trudom, udovol'stviem i nasiliem: seks-rabota kak osobyi vid neformal'noi zaniatosti. [Revising the borders between labour, pleasure and violence: sex-work as a specific kind of informal employment]. *The Journal of Social Policy Studies,* 8 (4): 537–550.

Kulick D. (2003) Sex in the new Europe: The criminalization of clients and Swedish fear of penetration. *Anthropological Theory*, 3 (2): 199–218.

Leigh C. (2008) *On the Frontline of Sex Wars* (http://www.ontheissuesmagazine.com/july08/july2008_10.php)

MacKinnon C. (1987) *Feminism unmodified: Discourses on law and life*, Cambridge: Harvard University Press.

McGee M. (1990) Text, context, and the fragmentation of contemporary culture. *Western Journal of Speech Communication,* 54: 274–289.

Montgomery M. (2017) Post-truth politics? Authenticity, populism and the electoral discourses of Donald Trump. *Journal of Language and Politics,* 16 (4): 1–21.

NSWP [Global Network of Sex Work Projects] (2015) *Advocacy Toolkit: The Real Impact of the Swedish Model on Sex Worker* (http://www.nswp.org/resource/the-real-impact-the-swedish-model-sex-workers-advocacy-toolkit)

Osokin R. (2014) Obshchestvennoe mnenie kak uslovie kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deianii (na primere zaniatiia prostitutsiei). [Public opinion as a condition for the criminalization of socially dangerous acts (the case of prostitution)], *Iuridicheskaia nauka i pravookhranitel'naia praktika*, 1 (27): 58–63.

Pulkkinen T. (2016) Feelings of Injustice: The Institutionalization of Gender Studies and the Pluralization of Feminism. *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies,* 2 (2): 103–124.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. C. Vance (ed.) *Pleasure and Danger: Exploring Female Sexuality*, Boston; London: Routledge and Kegan Paul.

Sanders T. (2004) Controllable Laughter: Managing Sex Work through Humour. *Sociology,* 38 (2): 273–291.

Sperling V. (2004) *Organizing Women in Contemporary Russia: Engendering transition*, Cambridge: Cambridge University Press.

Sperling V. (2014) *Sex, politics, and Putin: political legitimacy in Russia*, Oxford; New York: Oxford University Press.

Suchland J. (2015) *Economies of violence: transnational feminism, postsocialism, and the politics of sex trafficking*, Durham; London: Duke University Press.

Swyngedouw E. (1997) *Neither Global Nor Local: 'Glocalization' and the Politics of Scale. In: Cox (ed.) Spaces of Globalization: Reasserting the Power of the Local*. New York; London: Guilford/Longman: 137–166.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2003) Gender Studies in Post-Soviet Society: Western Frames and Cultural Differences. *Studies in East European Thought,* 55 (1): 51–61.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology Monograph,* 62 (2): 253–270.

Tlostanova M. (2009) *Dekolonial'nye gendernye epistemologii.* [*Decolonial gender epistepologies],* Moscow: OOO "IPTs 'Maska'".

Vanwesenbeeck I. (2001) Another decade of social scientific work on sex work: A review of research, 1990–2000. *Annual Review of Sex Research,* 12: 242–289.

Vanwesenbeeck I. (2017) Sex Work Criminalization Is Barking Up the Wrong Tree. *Annual Review of Sex Research,* 46: 1631–1640.

Voronina O. (2007) "Angliiskii retsept" dlia rossiiskikh gendernykh issledovanii. ["English recipe" for Russian gender studies], *Gendernye issledovaniia*, 15: 174–179.

Walters S. (2016) Introduction: The Dangers of a Metaphor — Beyond the Battlefield in the Sex Wars. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 42 (1): 1–23.

Ward E., Wylie G. (eds) (2016) *Prostitution, feminism and the state: The politics of neo-abolitionism,.* London: Routledge.

Weitzer R. (2005) Flawed Theory and Method in Studies of Prostitution. *Violence against Women*, 11 (7): 934–949.

Weitzer R. (2007) The Social Construction of Sex Trafficking: Ideology and Institutionalization of a Moral Crusade. *Politics & Society*, 35 (3): 447–475.

Winner L. (1992) Upon Opening the Black Box and Finding It Empty: Social Constructivism and the Philosophy of Technology. *Science, Technology, & Human Values*, 18 (3): 362–378.

Zdravomyslova E. (1996) Kollektivnaia biografiia sovremennykh rossiiskikh feministok. [Collective biography of contemporary Russian feminists], A. Temkina, E. Zdravomyslova (eds) *Gendernoe izmerenie sotsial'noi i politicheskoi aktivnosti v perekhodnyi period [Gender dimension of the social and political activity in a transitional period],* St. Petersburg: CISR: 33–60.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2001) Feministskaja kritika jepistemologicheskih osnovanij sociologii: perspektivy sociologii gendernyh otnoshenij. [Feminist critique of the epistemological foundations of sociology: the perspectives of the gender sociology] I. Zherebkina (ed.) *Vvedenie v gendernye issledovanija. Ch. 1: Uchebnoe posobie [Introduction to gender studies. Part 1: Textbook],* Har'kov: HCGI; SPb.: Aletejja: 174–196.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Жайворонок Д.В. (2018) Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс. *Социология власти*, 30 (1): 33-59.

Zhaivoronok D.V. (2018) Anxiety, translation and the dream of a common language: on feminists' discussion of commercial sex. *Sociology of Power*, 30 (1): 33-59.

Поступила в редакцию: 05.12.2017; принята в печать: 30.02.2018